

A romantic scene between a man and a woman in historical attire. The man, on the right, is wearing a dark blue military-style uniform with gold embroidery, including a high collar and a large epaulet with fringes. He has dark, wavy hair and is looking down at the woman. The woman, on the left, has long, dark, wavy hair and is wearing a light-colored, possibly gold-embroidered, dress. She is looking up at the man. They are in a close embrace, almost kissing. The background is a dimly lit room with warm, golden light from candles. The overall mood is romantic and dramatic.

КЕЛЬВЕЙР

Вэл Винная

КНИГА 1

Мария Чупрунова

**Кельвейр. Книга 1-
Та, что отдана короне**

«Автор»

2026

Чупрунова М. А.

Кельвейр. Книга 1- Та, что отдана короне / М. А. Чупрунова —
«Автор», 2026

Когда к их дому подъехала карета с гербом Льва, Альтея поняла только одно: её жизнь закончилась. Долги семьи оказались дороже любви, и теперь она - Кельвейр. Одна из девушек, которых отдают короне. Во дворце её ждут холодные взгляды, чужие правила, наследный принц, которого невозможно понять... и королева, которую она поклялась ненавидеть. Но самые опасные люди - не те, кого мы боимся в начале. А те, кому однажды начинаем доверять.

© Чупрунова М. А., 2026

© Автор, 2026

Мария Чупрунова

Кельвейр. Книга 1- Та, что отдана короне

Глава 1.

- Альтея!

Голос матушки раздался со второго этажа. Звонкий, чуть хрипловатый, он эхом пронёсся по всему поместью, не давая ни заскучать, ни спрятаться от неё.

— Я здесь, маменька! — крикнула я в ответ так громко, будто стояла прямо под её балконом.

— Не забудь про уроки письма, дорогая! Сегодня провожу их я.

Странно.

Уже несколько дней к нам не навещали преподаватели из города.

Раньше поместье редко оставалось тихим. Кто-то всегда приезжал: учителя, гости, старые знакомые отца, торговцы. Но в последние дни ворота открывались всё реже.

Матушка была женщиной удивительной красоты. Светло-русые волосы мягкими волнами спускались по её плечам, а ярко-зелёные глаза всегда будто светились изнутри.

Наше поместье она любила почти так же сильно, как меня.

Когда-то вокруг дома были лишь пустые участки земли, но именно она превратила их в живой сад. Вдоль каменных дорожек теперь росли белые розы и голубые цветы, названия которых я вечно забывала. Летом всё вокруг пахло мятой, лавандой и чем-то сладким.

Даже старые стены поместья рядом с её цветами казались теплее.

Я толкнула тяжёлые двери и вошла в холл. Слуги метались тут и там: кто-то менял цветы в вазах, кто-то натирал до блеска перила, а один из слуг почти стоял на коленях, отчаянно пытаясь вывести пятно с ковра.

Вчера папёнка вновь выпил слишком много.

Я тихо прошла мимо, стараясь не оставить после себя ещё больше грязи.

Прямо передо мной поднималась широкая лестница из тёмного дерева. Высокие перила украшала резьба с виноградными лозами и цветами, а солнечный свет из огромных окон ложился на ступени золотыми полосами.

Поднявшись на второй этаж, я подошла к кабинету живописи, откуда доносился голос матушки.

— Маменька, я пришла!

Я осторожно заглянула внутрь, и мой веснушчатый нос первым показался в дверном проёме.

Маменька улыбнулась. Уголки её губ чуть приподнялись, и на лице едва заметно заиграли первые морщинки.

Она родила меня рано и никогда не отправляла в институт благородных девиц, как делали многие семьи.

— Тебе это ни к чему, — говорила она. — Когда-нибудь это поместье останется на твоих плечах. Я обучу всему, что знаю сама.

Хотя я всегда подозревала, что причина была не только в этом.

В последнее время маменька всё чаще чувствовала себя хуже, чем выглядела. Иногда её мучил кашель, иногда она быстро уставала, а иногда подолгу сидела у окна, думая о чём-то своём.

На лекарства денег почти не оставалось. Я знала это, пусть мне никто и не говорил. Отец же никогда не жалел денег на других.

Он легко одаривал слуг золотыми монетами, покупал дорогие вещи, устраивал шумные ужины и праздники.

Но не маменьку.

— Разбалую ещё, — любил говорить он.

Иногда мне казалось, что он произносил это скорее для себя, чем для остальных.

Граф поместья — по совместительству мой отец — был человеком тяжёлым. Азартным. Резким.

И злость в нём жила словно отдельно от него самого. Я часто замечала, как слуги начинали говорить тише, когда он проходил мимо.

Да и сама маменька иногда становилась непривычно молчаливой после его возвращений.

Она указала мне рукой на парту. Я собрала юбку и присела рядом.

Тихо кашлянув, маменька взяла толстый том сочинений одного из известных писателей и раскрыла его. Бумага мягко зашуршала под её пальцами.

Маменька никогда не пела, но почему-то, когда она читала строки о природе, голос всё равно звучал как тихая песня.

Слова словно перестали быть словами. Они становились картинками.

Я уже не сидела в кабинете живописи, не слышала потрескивания камина и шелеста страниц. Я была где-то далеко. В незнакомых землях, где небо казалось ярче, а солнце — теплее.

Там по каменным дорогам мчались лошади, ветер путался в волосах, а рядом со мной ехал кто-то, чьего лица я никак не могла разглядеть.

Я не видела его глаз. Не знала имени, но почему-то была уверена — это принц. Не такой, как в сказках. Без короны. Без золота. Просто человек, рядом с которым хотелось смеяться.

— Альтея, солнышко, о чём задумалась?

Маменька закрыла книгу. Я моргнула от неожиданности и вернулась обратно в комнату.

— А?.. Маменька... Вы так красиво читаете, что мои мысли будто бы улетают куда-то совсем далеко.

Она мягко улыбнулась и присела рядом на табурет.

— И о чём же ты мечтаешь?

Я опустила взгляд на страницы.

— Когда ты читала про лёгкий кристалл души, про поцелуй сквозь года, про силу человеческого сердца... я вдруг подумала...

Я подняла глаза на неё.

— Я ведь тоже достойна такого.

Маменька посмотрела на меня удивительно тепло.

— Конечно, достойна, дорогая.

Она осторожно поправила прядь волос возле моего лица.

— Но не забывай... однажды отец выдаст тебя замуж за того, кого посчитает нужным.

Я слегка улыбнулась, хотя внутри что-то неприятно кольнуло.

— А если он мне не понравится?

Я посмотрела в окно.

— А если я буду несчастна... как ты?

И только договорив, я поняла, что сказала и резко закрыла рот ладонями.

Маменька слегка нахмурилась:

— Я бы не сказала, что несчастна. - Она мягко улыбнулась. — В моей жизни есть ты и Ромэн.

Её пальцы медленно закрыли книгу.

— А скоро тебе перейдут дела поместья. Кто знает... может быть, и твой брат после кадетского корпуса однажды возьмётся за ум.

Я понурила голову, нахмурилась и выпалила:

— Ромэн слишком беззаботный, а ты слишком добрая.

Она тихо усмехнулась.

— Альтя...

Но я не дала ей договорить.

— Маменька, тебе всего тридцать четыре. Ты так мало видела... Столько городов, людей, мест... Ты никогда не бывала дальше соседних земель.

Её глаза смягчились.

— Мне достаточно того, что вы живы и здоровы.

Она улыбнулась, потом вдруг резко замолчала.

Кашель.

Сначала тихий. Потом сильнее.

Книга выскользнула из её рук и упала на пол. Я вскочила с места. Её плечи дрогнули. На ладони, которой она прикрывала губы, остались алые капли.

Мир будто остановился.

— Маменька... нужно к лекарю.

Я схватила её за руки.

— Нужно прямо сейчас.

Она поспешно отвернулась и вытерла ладонь.

— Нет... нет, дорогая.

Слабая улыбка.

— Я в порядке...

Но впервые в жизни её голос не убедил даже её саму.

За окном внезапно раздался громкий стук копыт. Один. Потом ещё. И ещё. Слишком много. Я нахмурилась и быстро подошла к окну. Дыхание перехватило. К воротам нашего поместья неслась целая колонна всадников.

Впереди ехали двое трубачей в тёмно-синих мундирах с золотой вышивкой. За ними двигались королевские гвардейцы — около двадцати человек верхом на гнедых и чёрных лошадях.

Солнечный свет скользил по их доспехам. На плащах развевался герб королевства: Золотой лев, прижавший лапой извивающуюся змею.

С детства я знала его значение: Сила побеждает коварство. А за ними... Сердце у меня будто провалилось куда-то вниз. Королевская карета.

Настоящая.

Она была огромной, чёрной, с золотыми узорами по краям и резными львами на дверцах. Колёса сверкали на солнце, а тяжёлые занавески на окнах скрывали тех, кто находился внутри.

Я никогда не видела её так близко.

Маменька покосилась в мою сторону:

— Кого там принесло?

Я почувствовала, как пальцы стали холодными.

— Королевский двор...

Лицо маменьки изменилось, улыбка исчезла. Взгляд вдруг стал тяжёлым, почти тревожным, будто тучи перед грозой внезапно закрыли солнце.

Карета остановилась возле ворот. Раздался звук труб. Следом ударили барабаны. Слуги во дворе замерли. Даже птицы словно стихли. Ворота медленно открылись.

Гнедые кони галопом обогнули фонтан и остановились у главного входа. Из кареты вышел грузный мужчина лет сорока. Тёмный камзол с серебряной вышивкой, тяжёлый плащ, кольца на пальцах.

Отец, который ещё минуту назад наверняка находился где-нибудь с бокалом вина, поспешно появился на крыльце. Поклонился.

Я впервые за долгое время почувствовала странное беспокойство. Потому что отец не любил кланяться никому. Маменька молча посмотрела на меня. Мы обе не понимали причины визита, но одно знали точно: гостей такого чина нельзя было заставлять ждать.

Отец расправил камзол и медленно выпрямился. Я даже отсюда заметила, как он старался держаться ровнее обычного.

— Добро пожаловать в поместье Ривель...

Он говорил медленно, слегка растягивая слова, будто тщательно выбирал их, или пытался скрыть, сколько выпил прошлой ночью.

Мужчина некоторое время молча смотрел на него. Его взгляд скользнул по помятому воротнику, по дрожащим пальцам, по лицу отца. Потом ниже. По треснувшим вазам у входа. По старым ступеням. По старой краске на перилах. Будто перед ним стоял не человек, а товар на рынке. Уголок его губ едва заметно дрогнул.

Не улыбка.

Скорее насмешка. Мужчина демонстративно сделал шаг в сторону, будто не желая стоять слишком близко, слегка причмокнув губами:

— Где она, месье?

Отец на мгновение замер. Потом быстро кивнул.

— Сейчас... сейчас.

Он поспешно вытер ладони о подол своего камзола и поднял голову.

— Альтя!

Голос эхом разнёсся по всему дому. Я вздрогнула, осторожно выглянув со второго этажа, и крепче сжала пальцами перила, почему-то вдруг почувствовала, как внутри стало холодно.

— Спускайся!

Голос отца прозвучал твёрдо и резко.

Я поджала губы. Спорить с ним сейчас не хотелось. Особенно при гостях. Не дай святые ему вновь потерять самообладание — стыда потом не оберусь.

Я осторожно спустилась вниз, придерживая подол своего любимого бежевого платья, когда-то принадлежавшего маменьке. Оно было одним из немногих моих любимых нарядов. Слишком простое для больших приёмов. Слишком дорогое для повседневной жизни. Я остановилась возле лестницы и поклонилась незнакомцу.

Несколько секунд он молчал. А затем посмотрел на меня. Нет. Не посмотрел. Осмотрел.

Его взгляд медленно скользнул сверху вниз: по волосам, лицу, плечам, талии. Будто перед ним стояла не девушка, а лошадь перед покупкой.

У меня внутри всё неприятно сжалось. Захотелось отвернуться.

— Неплохо...

Он задумчиво прищурился.

— Черты лица хороши. И фигура... примерно такая, как описывали.

Мужчина слегка наклонил голову.

— Правда, не совсем дворцовый тип.

Он небрежно пожал плечами.

— Для наследного принца, возможно, не подойдёт.

Уголок его губ дрогнул.

— Ничего. Определим её в Кельвейры.

Он поправил перчатку.

— А дальше Её Величество сама решит, что с ней делать.

Повисла гробовая тишина. Кельвейры? Я медленно моргнула. Я никогда раньше не слышала этого слова.

Глава 2.

— Собирайся.

Я моргнула. Просто смотрела на отца несколько секунд, пытаюсь понять, что именно сейчас произошло. Собирайся... Куда? Зачем?

Я перевела взгляд на маменьку. Она стояла неподвижно. Слишком неподвижно. Пальцы крепко сжимали край платья.

— Папенька... о чём Вы?

Отец шумно выдохнул. Его челюсть напряглась. Я знала этот взгляд. Знала слишком хорошо.

Он появлялся всегда, когда терпение начинало покидать его.

— Альтея, не заставляй меня повторять дважды.

— Но я...

— Сейчас.

Он повысил голос. Совсем немного. Но внутри у меня всё равно что-то дрогнуло. Я растерянно оглянулась. На маменьку. На незнакомца. На слуг - никто не смотрел мне в глаза. И именно это напугало меня сильнее всего.

Гость медленно достал из кожаного футляра большой свиток. Тяжёлая бумага развернулась с сухим шуршанием. Красная печать с золотым львом, побеждающим змею, блеснула на свету.

Мужчина прокашлялся и начал читать:

— По указу её величества и по решению Королевского совета объявляется следующее:

«В связи с подтверждённой задолженностью графа Ривеля перед короной и казной королевства имущество рода временно переходит под королевское управление.

Поместье Ривель, прилегающие земли, доходы и слуги переходят под покровительство короны сроком на десять дней. Если долг не будет полностью погашен за указанный срок, семье предлагается право вступить в договор служения.

Согласно договору, один наследник рода — сын или дочь — поступает под служение её величеству и принимается в часть Кельвейров. Принятый под корону получает:

— содержание и обучение при дворе;

— защиту и обеспечение;

— положение при королевском дворе.

Семье же назначается ежемесячное денежное содержание в счёт погашения долга и сохранения памяти о принятом Кельвейре.

Поместье Ривель остаётся под королевской опекой и передаётся назначенному хранителю до окончания срока служения.»

...

Тишина. Я медленно моргнула. Слова будто проходили сквозь меня.
один наследник рода...

сын или дочь...

Кельвейры...

Я медленно перевела взгляд на отца. Почему-то именно в этот момент мне стало страшно. Потому что он не выглядел удивлённым. Он уже всё знал.

— Всё верно, милсдарь.

Отец медленно улыбнулся, а потом провёл рукой по волосам, будто только что выиграл долгую игру. Меня передёрнуло. Он выглядел довольным.

Маменьку словно подменили. Ещё несколько мгновений назад она сидела рядом со мной, читала книгу и улыбалась. Теперь её лицо побледнело.

— Нет!

Её голос ударил по комнате так резко, что я вздрогнула.

— Она никуда не поедет!

Отец резко повернул голову.

— Не слушайте её.

Он натянуто усмехнулся.

— Моя жена в последнее время чувствует себя не лучшим образом. Она не понимает, что говорит.

— Не понимаю?!

Маменька шагнула вперёд. В её глазах я никогда не видела столько ярости. Никогда.

— Это я не понимаю?!

Она посмотрела прямо на него.

— Ты продаёшь нашу дочь! И кому?!

Её голос сорвался.

— Короне!

Отец резко схватил её за руку. Слишком сильно.

— Прекрати.

— Альтя никуда не поедет! - она попыталась вырваться. — Слышишь меня?! Только через мой труп!

Я не двигалась. Не могла. Слёзы медленно подступили к глазам. Нет... Это какой-то сон.

Плохой сон. Я медленно посмотрела на отца.

Он правда меня продал? А этот гость ещё смеет стоять здесь и оценивать меня, будто я вещь. Будто кусок ткани. Будто лошадь. Я почувствовала, как пальцы сами сжались в кулаки.

Я подошла ближе и встала у лестницы, будто между мной и выходом ещё оставалось что-то, что можно было остановить. Расставив руки, я почувствовала, как дрожат пальцы.

— Я пойду только в одном случае: обеспечьте маменьке лучшего лекаря королевы. Спасите её.

В комнате воцарилась тишина.

Гость слегка приподнял бровь и хмыкнул, словно не ожидал услышать подобное. За спиной слышала тихий, почти сорвавшийся шёпот:

— Нет...

Маменька покачала головой. Мужчина медленно поправил манжеты и посмотрел на меня уже иначе.

— Будет вам лекарь.

Он слегка склонил голову.

— Желание Кельвейры для нас — первостепенно.

Я не ответила. Только кивнула.

Ноги сами понесли меня наверх.

Ступеньки поднимались одна за другой, но я почти не чувствовала их. Внизу ещё слышались голоса, шаги, шуршание одежды, маменькин кашель... а я вдруг поняла, что слышу всё это так, будто уже нахожусь далеко отсюда.

Я вошла в комнату и остановилась посреди неё.

Солнечный свет всё так же лежал на полу золотыми полосами. На подоконнике стояли засохшие цветы, которые я обещала полить ещё два дня назад. Кровать оставалась неубранной, на кресле лежала шаль маменьки, а возле зеркала — деревянная заколка, которую Ромэн когда-то привёз мне из города.

Я медленно провела пальцами по её поверхности. Горло сжалось. Только сейчас до меня дошло - я собирала не вещи. Я собирала свою прошлую жизнь. За дверью постепенно стихали удаляющиеся шаги.

Я опустила на колени возле старого сундука и открыла его дрожащими руками.

Что вообще берут люди, когда уезжают навсегда? Платья? Украшения? Книги?

Я растерянно посмотрела вокруг, потом взяла первое, что попало под руку: маленький серебряный кулон с прозрачным камнем внутри.

Маменька подарила его мне много лет назад и говорила, что раньше он принадлежал её матери. Я никогда не снимала его надолго. Следом в сумку отправилась старая деревянная заколка. На ней был вырезан маленький лев.

Тогда я смеялась над подарком и называла его уродливым, но выбросить так и не смогла. После недолгого молчания взяла со стола маленький кожаный блокнот. Почти пустой.

Внутри было всего несколько страниц с моими записями, рисунками и глупыми мыслями. Когда-то я хотела записывать туда истории.

Рука замерла, потом быстро положила его в сумку. Туда же отправилось небольшое письмо. Запечатанное. Без имени. Я никогда не открывала его. Нашла ещё ребёнком среди старых вещей маменьки. Почему-то тогда мне показалось неправильным читать чужое.

Потом сняла с полки книгу, которую читала мне маменька. Ту самую. С потрёпанными краями и пожелтевшими страницами. Потому что внезапно испугалась, что однажды забуду звук её голоса.

Мне всё ещё казалось, что это сон. Такой же, как тот, в который я провалилась совсем недавно, пока слушала маменьку за чтением очередного сочинения поэта. Тогда я представляла далёкие земли, чужие города, неизвестного принца и свободу, о которой читала лишь в книгах. Всё казалось красивым, тёплым и лёгким.

А теперь я стояла посреди собственной комнаты и складывала свою жизнь в дорожную сумку.

Я провела рукой по ткани любимого платья, по краю книги, по деревянной заколке Ромэна и внезапно поймала себя на странной мысли: во сне я всегда куда-то уезжала. Только почему-то никогда не думала, что однажды это случится по-настоящему.

Глава 3.

Чемоданы были собраны.

А я — нет.

До сих пор не верилось, что всё может закончиться так быстро. Ещё утром я сидела рядом с маменькой, слушала её голос, смотрела на солнечный свет на полу и думала о вещах, которые казались такими важными. А теперь должна была уехать. Уехать от маменьки. От строгого отца. От Ромэна, который сейчас даже не знал, что происходит. От слуг, которых знала с детства. От дома.

Я медленно спускалась по лестнице, придерживая тяжёлый чемодан. Переодеваться не стала. На мне всё ещё оставалось любимое бежевое платье. Не хотелось его снимать. Будто вместе с ним ещё могла забрать часть дома с собой.

У дверей стояла маменька. Увидев меня, она вдруг закрыла лицо ладонями и расплакалась. По-настоящему. Не тихо, как раньше. Она тут же шагнула ко мне и крепко обняла, будто пыталась удержать.

— Когда ты только успела так вырасти?.. — прошептала она дрожащим голосом.

Я уткнулась лицом в её плечо. От неё всё ещё пахло лавандой, книгами и чем-то очень домашним. Горло болезненно сжалось. Моё решение было взвешенным и правильным. По

крайней мере, хотела так думать. Я понимала, что, возможно, вижу её в последний раз, но всё равно наклонилась ближе и тихо прошептала:

— Не волнуйся... скоро увидимся.

И впервые за этот день я солгала.

Я медленно отстранилась от маменьки, но руки всё равно ещё несколько секунд не отпустили её плечи. Хотелось задержаться. Ещё немного. Ещё хотя бы одну минуту. Запомнить её лицо, зелёные глаза, запах лаванды, тепло рук.

Но времени мне никто не дал.

— Леди Альтея.

Голос королевского визиря прозвучал сухо и без единой эмоции.

— Карета ожидает.

Я подняла взгляд.

Он уже стоял возле дверцы, сложив руки за спиной. Казалось, его раздражала каждая лишняя секунда, проведённая здесь. Он несколько раз постучал пальцами по перчатке и посмотрел в сторону лошадей.

— Мы и без того задержались достаточно.

Я крепче сжала ручку чемодана. Маменька вновь всхлипнула позади. Нет. Если сейчас обернусь — не смогу уйти. Я сделала шаг. Потом ещё один.

Каменные ступени, по которым столько раз бегала в детстве, теперь казались длиннее обычного. Ветер слегка трепал волосы, а подол платья касался ног.

Возле кареты стояли гвардейцы: высокие, неподвижные, словно статуи. Один из слуг уже поставил мой чемодан внутрь. Визирь приоткрыл дверцу и нетерпеливо кивнул:

— Прошу.

Я подняла ногу на ступеньку, замерла, всё же не выдержала: обернулась. Маменька стояла у дверей поместья и плакала, прижимая руки к груди. Отец стоял рядом. И даже не смотрел на меня. Что-то внутри болезненно сжалось. Я быстро отвернулась и села в карету. Дверца закрылась слишком громко, будто поставила точку.

Карета тронулась. Перед глазами мелькал наш сад. Визирь поправил занавеску и обернулся в мою сторону:

— Леди Альтея, Вы сделали правильный выбор. Надеюсь, однажды поможете своей семье снова встать на ноги. И насчёт лекаря я помню.

Я подняла взгляд. Визирь, который ещё совсем недавно смотрел на меня как на очередной пункт в списке, вдруг заметно изменился. Голос стал спокойнее, взгляд мягче, а прежняя холодность словно растворилась.

— Кельвейрой стать — большая честь.

Я нахмурилась.

— Правда? Пока что больше похоже на красивое слово для продажи людей.

Мужчина усмехнулся и слегка покачал головой.

— Вы ещё слишком мало знаете о дворце, леди Альтея. Мы с Её Величеством не любим раскрывать истинные намерения сразу.

— Зачем?

Он перевёл взгляд в окно, где за стеклом медленно проплывали деревья.

— Ради порядка. Ради статуса. Ради будущего королевства. Вам известно, что у нас веками не приветствовалось смешение крови между родами. Принцы женятся на принцессах, герцоги ищут герцогинь, дворяне держатся дворян.

Он замолчал, будто решая, стоит ли говорить дальше.

— Её величество хочет от Кельвейров чего-то нового. Эксперимента, если пожелаете. Людей, которые смогут соединить миры, между которыми раньше строили стены.

Я медленно сжала пальцами ткань платья.

— А взамен?

Визирь посмотрел на меня.

— Преданность короне.

На секунду он задумался.

— И ей самой. Не как королеве. - Он слегка улыбнулся. — Как человеку.

— А какая выгода от этого для девочек?

Визирь слегка приподнял бровь, но отвечать сразу не стал.

— Королева расскажет сама.

Он наклонился к небольшому деревянному сундучку, стоявшему рядом, и достал оттуда кусок свежего хлеба и маленькую баночку с чем-то странным светло-бежевого цвета. Я с интересом наблюдала, как он спокойно намазывает густую массу на хлеб.

— Что это?

Мужчина поднял взгляд.

— Это называется хумус. Недавно её величество увлеклась заморской кухней и теперь заставляет весь двор пробовать её находки. Бобы с различными травами, маслами и специями. Желаете?

От одного слова бобы у меня внутри всё неприятно сжалось. Я скривилась.

— Пожалуй... откажусь.

— Как пожелаете.

Визирь пожал плечами и с таким спокойствием отправил кусок хлеба в рот, будто несколько минут назад моя жизнь вовсе не перевернулась с ног на голову, а я вдруг поймала себя на мысли, что впервые за всё это время смотрю не в окно и не думаю о доме. Я думаю о каком-то странном хлебе с бобами, почему-то это показалось мне ужасно глупым.

Дорога тянулась уже несколько дней. Сначала мне казалось, что путешествие будет мучительно долгим: скрип колёс, тряска кареты и бесконечные деревья за окнами. Но постепенно я начала замечать, что время почему-то стало проходить быстрее. Визирь оказался гораздо страннее, чем я думала.

В первый день он казался холодным человеком, который умеет только смотреть свысока и прищипывать губами. Во второй выяснилось, что он постоянно носит с собой шахматы. А на третий день уже смотрел на меня так, будто я его лично предала.

— Нет... нет-нет, так нельзя.

Я едва сдержала улыбку.

— Почему нельзя?

— Потому что я не видел, как вы забрали моего коня.

Я пожала плечами:

— Нужно было внимательнее смотреть.

Визирь медленно опустил взгляд на доску. Потом на меня. Потом снова на доску.

— Вы играли раньше?

Я задумалась.

— Папенька иногда заставлял гостей играть со мной. Обычно после третьего проигрыша они начинали говорить, что мне просто везёт.

Он прищурился.

— Подозреваю, сейчас Вам тоже начинает очень везти.

Через несколько дней мы остановились на небольшом рынке у дороги. Пока гвардейцы занимались лошадьми, я незаметно исчезла между лавками. Когда вернулась — держала в руках маленький мешочек орехов, сладости и ленту для волос. Визирь нахмурился.

— У вас были деньги?

— Нет.

Он замер:

— Что значит нет?

Я довольно улыбнулась:

— Я сторговалась.

— На что?!

— На вашу серебряную пуговицу.

Он медленно посмотрел вниз на свой камзол:

— Леди Альтея!

А я, закинув орешек в рот, только хитро хихикнула.

— Знаю, что герцогине не пристало так себя вести, но делать нечего. Раз папенька не дал мне денег в дорогу, придётся выкручиваться как могу.

Визирь посмотрел на меня так, словно только что услышал нечто ужасное.

— Так делать нельзя, леди Альтея.

Он нахмурился и скрестил руки на груди.

— В следующий раз просто попросите у меня денег.

— Простите.

Он тяжело вздохнул, а затем лишь устало махнул рукой.

Через несколько дней дороги за окнами кареты начали меняться. Небольшие деревни встречались всё реже, поля уступали место каменным дорогам, а людей становилось всё больше. Мимо нас проезжали торговые повозки, всадники и целые семьи, которые, заметив королевские знамёна, сразу отходили в сторону и низко склоняли головы.

Я приподняла шторку и выглянула наружу. Сначала мне показалось, что вдали появились горы, но нет. Это были башни. Огромные.

Светлый камень сиял под лучами заходящего солнца, а острые шпили поднимались так высоко, что, казалось, цепляли облака. Над ними развевались тёмно-синие знамёна с золотым львом, прижавшим лапой извивающуюся змею.

Сердце почему-то пропустило удар.

— Это...

Я не договорила. Визирь слегка улыбнулся, даже не поднимая взгляда от бумаг:

— Столица.

Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее я понимала, насколько маленьким было моё поместье.

Вокруг главных ворот уже толпились люди: торговцы громко зазывали покупателей, где-то кричали дети, пахло свежим хлебом, цветами и дымом от жаровен. А сами ворота... я никогда не видела ничего настолько огромного. Два золотых льва возвышались по обе стороны, словно сторожили вход в другой мир.

Я медленно сглотнула. Ещё несколько дней назад была Альтесей из поместья Ривель, а сейчас ехала туда, где уже ждали как Кельвейру.

Почему-то от этой мысли стало страшнее, чем в тот момент, когда я покидала дом.

Глава 4.

Карета неожиданно свернула в сторону от главного замка. Я нахмурилась и сильнее приподняла шторку. Огромные башни остались чуть дальше, а вместо них перед глазами посте-

пенно появилось другое здание. Белое, с высокими окнами, длинными балконами и тонкими башенками по углам. Вокруг него росли деревья и белые цветы, а дорожки выложены светлым камнем.

Я медленно сглотнула:

— Подождите...

В голове внезапно пронеслась совершенно нелепая мысль.

Я резко повернулась к визирю:

— А это точно не скотобойня?

Мужчина несколько секунд просто смотрел на меня. Потом тяжело вздохнул и покачал головой.

— Эх, молодёжь...Нет, леди Альтея. Это Дом Кельвейров.

Я вновь посмотрела в окно. У входа уже стояли девушки: кто-то держал чемоданы, кто-то тихо разговаривал, а кто-то нервно оглядывался по сторонам так же, как и я.

— Здесь каждая из вас будет обучаться своему призванию.

— Понятно...

Хотя на самом деле мне вообще ничего не было понятно. Потому что ещё вчера я была Альтеей Ривель, а сегодня ехала в неизвестное место, где какие-то незнакомые люди собирались рассказать мне, кем должна стать.

Карета медленно остановилась возле широкой мраморной лестницы, уходящей высоко вверх к главным дверям Дома Кельвейров. Ступени были настолько светлыми, что на солнце почти слепили глаза. Наверху уже стояли девушки. Много девушек. Кто-то поправлял волосы, кто-то держал чемодан обеими руками, а кто-то разговаривал между собой так спокойно, будто находился здесь уже не первый день. Дверца открылась.

Я гордо выпрямилась, собралась выйти, поставила ногу на ступеньку... В следующую секунду запуталась в собственном платье. Мир резко наклонился.

Я едва успела пискнуть, прежде чем буквально вывалилась наружу, как мешок картошки. Вокруг раздались смешки.

Замечательно. Просто великолепно.

Я медленно поднялась, стараясь сделать вид, будто именно так и планировала выходить из карет всю свою жизнь. Отряхнув платье, я подняла голову и посмотрела на девушек. Ну ведь они такие же, как и я. Не принцессы. Не королевы. Почему тогда смеются?

Кучер тем временем уже достал мой чемодан, всучил его в руки, быстро поклонился и поспешил обратно к карете, словно боялся задержаться здесь лишнюю минуту.

— Ещё одна.

Голос прозвучал откуда-то из толпы. Он слышался язвительно, почти лениво. Быстро осмотрев девушек, хозяйку голоса найти так и не смогла. Слава святым. Я крепче сжала ручку чемодана и отвела взгляд. Контактировать с ними сейчас точно не стоит. Лишнее внимание — плохо. Я приехала сюда не дружить, а помочь своему дому... и короне...Хотя последняя мысль всё ещё не давала мне покоя.

Я машинально начала пересчитывать девушек. Одиннадцать... четырнадцать... семнадцать... Вместе со мной нас оказалось восемнадцать. Я нахмурилась. Почему-то цифра сразу показалась странной. Слишком ровной... специально подобранной. Возможно, для короны она что-то значила, а может, я уже просто начинала искать тайны там, где их не было.

Прошло несколько минут. Потом ещё. Внутри нас так и не пустили.

Возле массивных дверей стояла охрана в серебристых мундирах с золотыми львами на груди. Они выглядели так, будто их вообще невозможно было смутить.

— Тут жарко! Да как вы смеете?!

Из толпы резко вышла девушка с короткими рыжими волосами. Она возмущённо всплеснула руками и недовольно посмотрела на стражников.

— Мы уже стоим здесь целую вечность!

Один из охранников заметно занервничал.

— Простите, леди, но вас должно быть девятнадцать.

— Да почему?!

— У каждой своя комната...

Стражник виновато почесал затылок.

— И всё уже подготовлено.

Я медленно моргнула. Девятнадцать? Я снова пересчитала девушек. Восемнадцать. Значит, кого-то не хватало. Почему-то именно в этот момент по спине пробежал холодок.

Я уже хотела спросить, кого именно не хватает, как вдруг где-то далеко послышался шум копыт. Все девушки почти одновременно повернули головы. По дороге, ведущей к Дому Кельвейр, неслась ещё одна карета. Нет. Карета выглядела бы слишком скромно для этого чуда-вища.

Чёрная, с серебряными узорами по краям и гербом на дверце, она неслась прямо к лестнице, не собираясь останавливаться заранее.

— С ума сошёл?! — вскрикнула одна из девушек.

Карета резко остановилась прямо у ступеней. Лошади громко фыркнули. Наступила тишина. Дверца открылась. Но никто не выходил.

Прошла секунда. Потом ещё одна. Изнутри раздался раздражённый голос:

— Ну и кто из вас придумал сделать столько ступенек?!

Первым из кареты вышел визирь. Я даже моргнула: он чем-то удивительно напоминал моего - такой же грузный, важный и серьёзный мужчина с выражением лица, будто весь мир вокруг регулярно доставляет ему неудобства. Он поправил камзол, оглядел лестницу, а затем неожиданно протянул руки внутрь кареты. Все притихли. И в следующую секунду оттуда осторожно показалась девушка. Точнее... крошечная девушка.

По толпе словно пробежал невидимый шёпот. Она была совсем маленького роста — едва доставала взрослому человеку до пояса. Серые, почти серебристые волосы развевались на ветру, а большие глаза удивительного синего оттенка казались слишком яркими на фоне бледной кожи.

Мне даже на мгновение показалось, будто внутри них плясал огонь. Визирь осторожно поднял девушку на руки, словно фарфоровую куклу, и поставил на землю.

Она слегка покачнулась, выровнялась и деловито поправила складки своего платья, а потом совершенно спокойно пошла вдоль девушек, маленькими неуклюжими шагами, внимательно рассматривая каждую.

Тишина стала какой-то неловкой. Все смотрели на неё. Она — на нас. Внезапно остановилась прямо передо мной, подняла голову, прищурилась. И хрюкнула:

— Ты упала с кареты? Во смешная!

Мне стало так неловко, что я даже не сразу поняла, что вообще должна ответить.

Я смотрела на неё сверху вниз, а она — на меня снизу вверх, совершенно спокойно, будто только что не сказала ничего странного. По началу я вообще потеряла дар речи.

— Что молчишь? Платье отряхни, хрюшка.

Я возмущённо открыла рот. Хрюшка?! Девушка вдруг обошла меня, встала позади и маленькими ладонями начала осторожно отряхивать подол платья. Движения были быстрыми, почти деловитыми. Она стряхнула пыль, расправила складки ткани, отошла на шаг и внимательно осмотрела результат.

— Так лучше.

Её серьёзные синие глаза скользнули по платью.

— А то больно красивое.

Я растерянно моргнула: меня сейчас оскорбили или похвалили? Как на неё реагировать? Девочка остановилась прямо передо мной и неожиданно протянула маленькую ладонь.

— Лида я. Лида Аманда де фон Крюфель. Но можешь просто Лида.

Она произнесла это с таким важным видом, будто представляла не себя, а как минимум половину королевства. Я несколько секунд смотрела на её руку. Почему-то стало страшно. Не потому, что она пугала меня. Наоборот. Она казалась такой маленькой, что мне вдруг показалось: возьму сильнее — и случайно сломаю ей пальцы. Я осторожно протянула руку в ответ:

— Я Альтея.

Лида тут же крепко сжала мою ладонь. Очень крепко. Я даже удивлённо подняла брови.

— Ого.

Она хитро прищурилась.

— Ага. Все сначала так смотрят.

Я наклонила голову.

— Как?

— Будто я маленькая фарфоровая куколка.

Лида скрестила руки на груди.

— А потом оказывается, что я кусаюсь.

Я медленно убрала руку.

— Что?

— Шучу. Наверное.

Я улыбнулась ей какой-то кривой, неловкой улыбкой.

— Да... наверное, шутишь, ха-ха...

Смех получился настолько неубедительным, что даже я сама себе не поверила.

Лида прищурилась и несколько секунд внимательно смотрела на меня, будто пыталась понять, действительно ли я смеюсь или у меня просто лицо так странно дёргается.

— Ты сейчас выглядела так, будто я сказала, что по ночам ем людей.

Я резко моргнула.

— Что?!

— Да шучу я.

Она довольно улыбнулась, а затем ткнула меня маленьким пальцем в бок.

— Ой, Альтея, с тобой будет весело.

Глава 5.

Когда стражники наконец пересчитали всех девушек и, кажется, остались довольны получившимся числом, та самая рыжая девушка громко всплеснула руками:

— Ну наконец-то! Если бы не эта гномиха, мы бы уже давно вошли внутрь.

Несколько девушек тихо засмеялись. Я нахмурилась и посмотрела на Лиду. Но, к моему удивлению, она даже глазом не повела.

Лида медленно повернула голову в сторону рыжей, подняла бровь и сложила руки на груди.

— Эта гномиха может допрыгнуть до твоего носа и оторвать его с корнем.

Наступила тишина. Рыжая несколько секунд просто смотрела на неё, переваривая информацию. Потом прыснула.

— Допрыгнуть?

Лида сделала шаг вперёд.

— Да.

Ещё шаг.

— А если очень постараюсь — и до колена доберусь.

Я не выдержала и тихо фыркнула. Следом засмеялась ещё одна девушка. Потом ещё одна. И почему-то впервые за всё время возле Дома Кельвейров смех перестал казаться неприятным.

Стражники распахнули перед нами массивные двери и дали знак проходить внутрь. И начался хаос.

Девушки моментально рванули вперёд, будто в здании прямо сейчас раздавали короны. Кто-то толкал чемоданы, кто-то пытался пролезть первым, а кто-то уже спорил о том, кому достанется лучшая комната.

Неужели они всерьёз успели превратить знакомство с новым домом в битву? На пороге все резко остановились.

Прямо перед нами стоял юноша лет восемнадцати или девятнадцати. Невысокий, примерно сто шестьдесят пять ростом, с мягкими пепельными кудрями, пухлыми щеками и удивительно добрым лицом. Он выглядел так, будто случайно заблудился по дороге на праздник и оказался здесь. Он широко улыбнулся и слегка поклонился.

— Девушки, здравствуйте! Меня зовут Финни. Я ваш наставник и куратор Дома Кельвейров. Я буду следить за вашим обучением, расписанием и помогать вам не потеряться, не поджечь случайно дом и не устроить государственный переворот.

Несколько девушек тихо засмеялись.

— Помимо меня у вас будет ещё один наставник — Альфред. Сейчас он помогает Её Величеству подготовить зал во дворце к вашему приезду, поэтому меня временно оставили за старшего.

Позади меня одна из девушек мечтательно выдохнула:

— Какой хорошенький...

Я медленно повернула голову. Она смотрела на Финни так, будто уже мысленно выбирала свадебное платье. Финни даже не растерялся, будто слышал эти слова много-много раз. Он спокойно поднял руку в чёрной кожаной перчатке.

— Дамы. Очень приятно, но предупрежу сразу — романтика между наставниками и Кельвейрами строго запрещена.

Наступила драматичная пауза, и именно в неё Лида решила открыть рот:

— Колокольчик не звенит...

На мгновение по залу прокатился девичий смех.

— Дамы... — Финни устало потёр переносицу и поправил кудряшку, упавшую на лоб. — Это уже перебор. Давайте лучше проследуем в гостиную, пока я не пожалел о своём существовании.

Лида довольно улыбнулась, будто только что выполнила важнейшую жизненную миссию. Мы наконец двинулись вперёд. Стоило переступить проем между коридором и гостиной, как я невольно замедлила шаг.

Внутри Дом Кельвейров оказался совершенно не таким, каким я его представляла: высокие сводчатые потолки поднимались над нами почти до самого неба, а стены из светлого камня украшали тёмные деревянные панели с резными узорами виноградных лоз и лилий. Вдоль стен стояли тяжёлые подсвечники, в которых уже горели десятки свечей, несмотря на дневной свет. Огромные окна пропускали внутрь золотистые лучи, и от них на полу растекались длинные полосы света.

Под ногами лежали ковры глубокого винного цвета, а по углам располагались мягкие диваны и кресла с бархатной обивкой. Воздух пах свежими цветами, воском и чем-то сладким, будто совсем недавно здесь пекли выпечку. Но больше всего взгляд притягивал центр гостиной. Там, над камином из белого мрамора, висел огромный портрет королевы.

Она сидела на троне в тёмном платье, расшитом серебряными нитями. Длинные волосы мягкими волнами спадали на плечи, а на голове покоилась тонкая корона с белыми камнями. Её лицо нельзя было назвать суровым, но глаза...

Глаза смотрели так спокойно, что становилось не по себе. Будто она знала о тебе что-то раньше тебя самой. Я сама не заметила, как остановилась.

— Она красивая... — тихо выдохнула одна из девушек.

Лида рядом со мной прищурилась.

— А мне кажется, будто она сейчас моргнёт.

Дама на портрете казалась мне до жути знакомой. Хотя, возможно, это было неудивительно — она ведь королева. Её лицо знало всё королевство, но дело было не в этом.

Каштановые волосы, в которых уже пробивались серебристые пряди, почему-то больно напомнили мне маменьку. Даже взгляд был похож: спокойный, тёплый и будто бы уставший от чего-то, о чём знают только взрослые. От этой мысли внутри вдруг неприятно защемило. Я скучала по дому.

Мысли пришлось прервать, потому что нас подвели к длинному столу из тёмного дерева. Все девятнадцать девушек остановились возле него и молча уставились на Финни.

Молчание продлилось недолго. Некоторые девушки, явно уставшие после дороги, без раздумий начали занимать места. Финни несколько секунд наблюдал за этим, а затем неожиданно улыбнулся.

— Первое правило Кельвейровского этикета: никогда не садиться за стол, пока вас не пригласят. Дамы, которые сели первыми, получают свои комнаты последними.

Несколько девушек резко вскочили. Одна даже тихо пискнула. Я невольно перевела взгляд на Лиду. Она стояла рядом со мной со скучающим видом, будто происходящее вообще не являлось новостью.

Почувствовав мой взгляд, девушка повернула голову. Серебристые пряди волос блеснули в свете свечей.

— Альтея, это же база. Тебе об этом не говорили?

Я пожала плечами.

— Мне папёнка запрещал садиться раньше него, поэтому... я просто не садилась.

Лида несколько секунд смотрела на меня. Потом очень серьёзно кивнула:

— Поздравляю.

— С чем?

— Ты случайно оказалась воспитаннее половины комнаты.

Я невольно улыбнулась словам Лиды. Девушка хоть и была маленькой, но иногда говорила так, будто успела прожить уже две жизни и теперь просто наблюдает за всеми остальными с высоты своего опыта.

Финни тем временем хлопнул в ладоши и наконец пригласил нас за стол. Затем он начал быстро раздавать указания, кому и где следует сидеть. Девушки тут же засуетились, но теперь уже гораздо осторожнее, словно после истории с комнатами никто не хотел случайно снова попасть в ловушку.

Мы с Лидой оказались ближе к концу стола, слева от Финни, так, чтобы его было хорошо видно. Меня место вполне устроило, а вот Лида, кажется, вообще не переживала из-за подобных вещей. Наоборот. Она забралась на стул, устроилась поудобнее, стянула туфельки и совершенно спокойно поджала под себя ноги.

Я медленно повернула голову.

— Лида...

— Что?

— Так вообще можно?

Она пожала плечами.

— Пока не сказали, что нельзя — можно.

Логика железная. Я тихо вздохнула и только хотела отвернуться, как заметила рыжую девушку. Та снова смотрела на Лиду с каким-то странным выражением лица. Лида тоже это

заметила. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом девчуля совершенно спокойно высунула язык. Рыжая моргнула, а вот та уже сидела как ни в чём не бывало и рассматривала потолок.

Глава 6.

— Итак, дамы, раз вы теперь живёте в Доме Кельвейров, начнём с основ. Потому как очень неловко получится, если одна из вас на королевском ужине попытается съесть рыбу десертной ложкой. Несколько девушек тихо хихикнули.

Финни остановился во главе стола и взял в руки сложенную светлую салфетку.

— Правило первое: за столом вы сидите прямо. Не как умирающий лебедь, не как мешок картошки и не как человек, которому внезапно стало очень скучно.

Он многозначительно посмотрел на Лиду. Лида медленно убрала ноги со стула и насупилась.

— Я слежу за вами, — отпарировал Финни. Он положил салфетку на колени. — Правило второе: салфетка кладётся сюда. Не за шиворот, не на голову и не привязывается к поясу. Столовые приборы используются от дальних к ближним. Сначала внешние, затем те, что лежат ближе к тарелке. Если перед вами несколько ножей и вилок — не паникуйте. Никто не собирается заставлять вас сражаться.

Он взял нож.

— Нож держат в правой руке.

Потом вилку.

— Вилку в левой.

Он медленно показал движения:

— И ради всех святых не размахивайте ими во время разговора.

Я внимательно смотрела на каждое его движение. Папенька заставлял меня соблюдать правила дома, но сейчас всё выглядело гораздо сложнее. Обычно я ела, как собака: руками, лицом, и даже не похоже было, что моё сердце принадлежит дворянскому роду. Рядом Лида внезапно подняла руку.

— Да?

— А если я маленькая и до половины приборов не дотягиваюсь?

Финни повернулся в её сторону:

— В таком случае специально для вас мы подготовим несколько перьевых подушек.

Но Лида, как обычно, даже не задумалась над ответом:

— Значит, я буду чихать, чесаться, страдать, но продолжать ковыряться в этих железах? Нет уж, увольте.

На несколько секунд за столом повисла тишина. Я медленно повернула голову сначала к Лиде, потом к Финни.

Финни прикрыл глаза и двумя пальцами устало помассировал переносицу. Кажется, за этот вечер он делал это уже не впервые, и у меня начинало складываться ощущение, что большую часть его будущих морщин обеспечит именно Лида.

Самое удивительное было даже не в её словах, а в том, что произносила она их с абсолютно серьёзным видом, будто обсуждала важнейший государственный вопрос.

— Лида...

Голос Финни прозвучал слишком спокойно. Подозрительно спокойно.

— Да?

— Прошу вас... хотя бы сегодня не испытывайте границы моего терпения.

Она задумчиво наклонила голову.

— А я их и не испытываю.

На секунду Лида замолчала, а затем невинно добавила:

— Я пока только нашла их.

Я быстро опустила взгляд в тарелку, делая вид, что меня очень заинтересовали столовые приборы, потому что смех уже подступал к горлу.

Тем временем остальные девушки старательно повторяли движения Финни. Кто-то неловко держал нож, кто-то путался в приборах, а несколько особенно разговорчивых дам уже вовсю шептались между собой, словно сидели не на занятии, а на чаепитии.

— Дамы. Во время обучения разговаривать разрешается, но превращаться в стаю сорок всё же не стоит.

Девушки сразу выпрямились.

А Лида слегка наклонилась ко мне и очень тихо прошептала:

— Смотри... он нас приручает.

Я довольно хихикнула. И ведь правда... чем больше я смотрела на Финни, тем сильнее начинала подозревать, что он не просто учит нас есть и держать вилки. Он будто постепенно перестраивал нас под что-то большее. Под дворец. Под встречи. Под людей, которых мы ещё даже не видели. Но мои мысли оборвал звук резко распахнувшихся дверей.

Тяжёлые створки ударились о стены. Разговоры тут же стихли. На пороге стоял юноша. Высокий. Намного выше Финни.

Тёмные волосы мягкими прядями спадали на лоб, а несколько непослушных локонов едва касались глаз. На нём был тёмный камзол с серебряной вышивкой, подчёркивающий широкие плечи и тонкую фигуру. Свет из высоких окон падал на его лицо, выделяя острые черты — прямой нос, слегка напряжённую линию губ и взгляд...

Станный взгляд. Спокойный. Но какой-то далёкий.

Будто он вошёл сюда телом, а мысли его всё ещё были где-то в другом месте. Несколько девушек рядом со мной шумно втянули воздух. Одна даже поправила волосы. Рыжая быстро выпрямилась. А я просто смотрела, потому что почему-то не могла не смотреть.

Финни резко выпрямился.

— Дамы, поднимаемся!

Стулья одновременно закричали по полу, незнакомец медленно перевёл взгляд в нашу сторону. И на долю секунды мне показалось, что он смотрит прямо на меня. Увы, я ошиблась.

Парень медленно обвёл взглядом весь стол, никуда не торопясь, словно не просто смотрел на нас, а изучал каждую по отдельности. И его взгляд скользил по девушкам спокойно и внимательно, иногда задерживаясь на лицах чуть дольше, прежде чем перейти дальше.

А затем он заговорил.

И голос оказался неожиданно мягким, с лёгкой хрипотцой и спокойным звучанием, похожим на журчание ручья среди камней.

— Доброго дня, дамы.

И он слегка склонил голову в знак приветствия.

— Меня зовут Кирсен де Вальтер. Но для вас будет достаточно обращения «Ваше Высочество Кир». И я искренне надеюсь, что вы не разочаруете меня так же, как разочаровали прошлые претендентки на роль Кельвейров.

И улыбка, только что мелькнувшая на его лице, исчезла так быстро, будто её вовсе не было.

Я слегка нахмурилась.

Потому что почему-то именно в этот момент у меня появилась очень странная мысль:

А мы вообще обязаны ему нравиться?..

Он вышел так же спокойно, как и появился, а мы ещё несколько секунд продолжали стоять в полном ступоре, будто нас одновременно окатили холодной водой. И только когда двери окончательно закрылись, по комнате словно снова вернулся воздух.

Финни тяжело выдохнул.

— Да... вот такой у нас принц Кирсен.

И он провёл ладонью по волосам, стараясь пригладить слегка растрепавшиеся пряди. Кажется, даже он немного занервничал после неожиданного визита.

— Девочки, запомните ещё одно правило. Когда в помещение входит человек более высокого статуса, вы обязаны подняться, поклониться и не произносить ни слова, пока вам не разрешат говорить. И желательно не смотреть на них так, будто вы только что увидели спустившееся с небес чудо.

Несколько девушек виновато опустили глаза.

А за столом снова повисла тишина.

Но ненадолго.

Потому что спустя пару секунд со всех сторон поползли шёпоты.

— Какой красивый...

— А глаза видела?

— И голос...

— А рост...

Я молча слушала их, делая вид, что меня всё это совершенно не интересует.

Как по мне — обычный парень.

Ну да, ухоженный.

Ну да, высокий.

Ну да, лучезарный.

Ну да, красивый...

Я вдруг резко нахмурилась.

Да о чём я вообще думаю?

Я здесь для того, чтобы служить короне, а не рассматривать наследных принцев.

Глава 7.

После ужина Финни повёл нас дальше знакомиться с Домом Кельвейров. И оказалось, он был намного больше, чем выглядел в начале. Мы проходили длинные коридоры со светлыми стенами, мимо высоких окон, между которыми висели картины и старые портреты людей, имена которых я даже не успевала запоминать.

И первым делом он показал нам класс для собраний и обучения. Помещение оказалось просторным: длинные ряды парт, большие окна, глобусы, карты королевства и даже несколько странных предметов, назначение которых я не понимала. Вдоль стен стояли шкафы с книгами, а в самом центре висела доска для письма.

— Здесь будут проходить ваши занятия и общие собрания, — объяснил Финни, прохаживаясь перед нами. — И самые выдающиеся ученицы в будущем смогут посещать уроки при королевском дворе.

По комнате сразу прошёл тихий шёпот. Некоторые девушки заметно оживились, даже рыжая заинтересованно приподняла брови.

Я почему-то сразу подумала не о дворце, а о том, насколько вообще должна быть умной, чтобы попасть туда. Затем Финни показал нам библиотеку, именно там я случайно перестала слышать всё вокруг: высокие шкафы с книгами уходили почти до самого потолка, вдоль стен стояли лестницы, а в воздухе пахло старой бумагой и древесиной.

Я невольно замедлила шаг.

— А посещение свободное, — улыбнулся Финни, заметив наши взгляды.

И затем он повёл нас дальше. За библиотекой располагался сад. Светлые дорожки извивались между деревьями, небольшими фонтанами и цветочными арками, а где-то вдали слышалось пение птиц.

— И сюда вы тоже можете приходить в свободное время.

А потом Финни вдруг остановился. И его голос стал серьёзнее.

— Но есть одно правило.

Мы сразу притихли.

— Если рядом с Домом Кельвейров находятся члены королевской семьи, принц или кто-то из высокопоставленных особ, не привлекайте внимания. И постарайтесь спокойно уйти. Я нахмурилась. Странно. Очень странно. Потому что нас будто одновременно готовили ко дворцу,...но и просили держаться от него подальше.

В этот момент одна из девушек осторожно подняла руку. Я раньше почти не обращала на неё внимания: светлые выющиеся волосы мягко лежали на плечах, а большие зелёные глаза внимательно наблюдали за Финни. Она выглядела спокойнее остальных и держалась прямо, словно давно привыкла к подобным правилам.

Девушка заговорила, но вместо привычной речи послышались совершенно незнакомые слова:

— *«Monsieur... pourquoi devons-nous éviter la famille royale si nous devons apprendre à vivre auprès d'eux?»*

Я удивлённо моргнула.

Потом посмотрела на Лиду, потом снова на девушку. Я не поняла ровным счётом ничего.

Рядом кто-то тихо прошептал:

— Что она сказала?..

Финни сначала удивлённо поднял брови, а затем хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ах да, точно. Француженка.

И он тут же перевёл взгляд на девушку, отвечая уже на французском языке. Его произношение оказалось настолько уверенным, что я даже растерялась. Он болтал с ней долго, будто бы извиняясь, что забыл о её существовании. Финни жестикулировал руками, а блондинка тихонько хихикала, будто подхватывая его манеру общения. Когда та кивнула, Финни произнес:

— *«Vous apprendrez bientôt notre langue. Et vous comprendrez tout.»*

Девушка заметно расслабилась и улыбнулась. Кажется, ответы её полностью устроили, но рыжая только недовольно фыркнула и скрестила руки на груди.

— Великолепно. Теперь у нас ещё и иностранцы появились.

Я покосилась в её сторону, мне вдруг показалось, что дело здесь совсем не во французском языке.

Маменька когда-то пыталась учить меня французскому языку, но выходило у нас, откровенно говоря, скверно. Я знала отдельные буквы, несколько простых слов и могла, пожалуй, спросить дорогу или поздороваться. Поэтому к языкам у меня отношения были довольно тяжёлые. Возможно, я не одна такая.

Возможно, не все здесь с детства знали по три языка и не проводили вечера за чтением сложных книг.

Да и жизнь у каждой из нас была разной. Кого-то наверняка обучали лучшие преподаватели, кого-то баловали, а кто-то, как и я, рос среди домашних забот, редких уроков и случайных знаний, которые удавалось собрать по пути.

Впервые с момента приезда я почувствовала себя чуть менее чужой.

После этого нас повели на второй этаж. И стоило подняться по широкой лестнице, как я невольно начала смотреть по сторонам с таким интересом, будто снова стала маленьким ребёнком.

Стены здесь уже не были просто светлыми и пустыми. Нижняя часть была отделана тёмным резным деревом, а выше тянулись светлые панели с золотистыми узорами из лилий и виноградных лоз. Между высокими окнами висели картины и старинные гобелены, изображавшие охоту, морские путешествия и незнакомых мне дворян. А вдоль коридоров стояли тяжёлые подсвечники из тёмного металла, где десятки свечей мягко освещали пространство.

И двери здесь тоже выглядели совсем иначе.

Высокие, массивные, из тёмного дерева, украшенные резьбой и тонкими серебряными вставками. На каждой вместо обычных цифр висела маленькая металлическая табличка с изображением цветка, птицы или символа.

Я смотрела на всё это с таким воодушевлением, что почти перестала думать о доме. Финни тем временем подвёл нас к длинной стойке.

— Дамы, прошу оставить здесь свои сумки.

Мы нехотя расстались с вещами и прошли дальше. Впереди нас ждал просторный зал. Посередине стоял небольшой столик из светлого дерева, а на нём лежали перо, чернильница и несколько листов плотной бумаги. Финни взял лист в руки и начал зачитывать имена.

И имена были удивительно красивыми. Мягкими, необычными и благородными. Некоторые я тут же забывала, а некоторые почему-то сразу оставались в памяти.

— Леди Элиза Мари де Бовуар.

Из толпы вышла та самая блондинка. Она слегка поклонилась, придерживая край платья, и мягко улыбнулась. Кажется, именно она оказалась седьмой. Следом Финни перевёл взгляд ниже.

— Дорафина Прей.

Рыжая тут же вышла вперёд и поправила волосы с таким видом, будто по залу внезапно пронёсся сильный ветер.

— Не люблю начало имени.

Она приподняла подбородок.

— Можно просто Афина.

И почему-то мне сразу показалось, что проблем она принесёт не меньше Лиды. Финни ничего не ответил на этот протест.

Лида и я оказались последними в списке. И к тому времени большинство девушек уже успело найти себе небольшие компании. Кто-то разговаривал, кто-то знакомился, а кто-то уже смеялся так, будто провёл вместе не несколько минут, а несколько лет.

Рыжую быстро окружили две шатенки с одинаково аккуратными причёсками и любопытными взглядами. И сама она, кажется, была совсем не против такого внимания.

— А то со скуки помру, — важно заявила она, поправляя волосы.

Я только покачала головой.

А вот блондинка, француженка, так и стояла немного в стороне. Она растерянно оглядывалась по сторонам и иногда натянуто улыбалась, когда рядом кто-то проходил.

И мне вдруг стало немного неловко. Потому что я ведь могла бы подойти, но сразу вспомнила свои попытки учить французский с маменькой и если честно — становилось стыдно. Лида, конечно же, решила всё за меня.

Она спокойно направилась к блондинке первой, а затем начала что-то быстро говорить на французском языке. И чем дольше я слушала, тем сильнее хмурилась, потому что среди потока незнакомых слов внезапно уловила:

— *carrosse...*

Карета. И через несколько секунд:

— *cheval...*

Лошадь. Я медленно прищурилась.

Лида тем временем широко улыбалась и активно жестикулировала руками. Потом вдруг указала пальцем на меня. Нет. Нет-нет. Я уже знала этот взгляд. Через мгновение Лида схватила француженку за руку и потащила прямо ко мне.

Я тут же скрестила руки на груди.

— Ты же за столом делала вид, будто понимаешь её не больше моего.

Лида даже не смутилась. Она посмотрела на меня своими большими синими глазами, а потом совершенно спокойно показала язык.

— Ну не все же карты мне раскрывать.

Глава 8.

После знакомства Финни попросил нас выстроиться в небольшую линию возле стола. А затем достал из деревянной шкатулки длинные атласные ленты разных цветов. Девушки заметно оживились, потому что выглядело всё это уже не как обычное распределение, а как что-то действительно важное.

Финни начал по очереди подходить к каждой из нас и вручать ленту.

Белые ленты получили несколько самых спокойных и аккуратных девушек.

— Белый цвет отвечает за порядок и внутреннее устройство Дома Кельвейров. Вы будете помогать следить за дисциплиной, состоянием комнат и организацией дома.

Рыжая тут же тихо фыркнула:

— Какая скука.

Ей досталась красная. И Финни, кажется, даже не удивился.

— Красные ленты получают девушки, обладающие ярким характером и лидерскими качествами. Из вас готовят будущих представительниц дома на приёмах, переговорах и публичных мероприятиях.

Афина довольно улыбнулась, будто только что выиграла войну. Синие ленты достались тем, кто уже знал языки, умел читать сложные тексты или проявлял способности к наукам.

— Синие будут обучаться дипломатии, письму и работе с архивами короны.

Француженка получила именно такую. И выглядела очень довольной, когда Лида и Финни объяснили ей значение. Зелёные ленты предназначались для девушек, которым лучше давались медицина, травничество и уход за людьми. А золотые — для тех, кого готовили к сопровождению знатных особ во время праздников, церемоний и официальных встреч.

Я внимательно наблюдала за всем этим, пока Финни наконец не подошёл ко мне. И в его руках оказалась фиолетовая лента. Ткань мягко переливалась в свете свечей. Я осторожно взяла её. И заметила, что такие же ленты получили ещё только несколько девушек.

Лида, кстати, тоже.

Я удивлённо покосилась на неё. Она пожала плечами так, будто давно всё знала. Финни тем временем медленно осмотрел нас.

— Фиолетовые ленты получают Кельвейры, чья дальнейшая работа будет тесно связана с дворцом.

В комнате стало тихо.

— Именно вы чаще остальных будете взаимодействовать с королевской семьёй, придворными и... — он сделал короткую паузу, — Его Высочеством.

Я почувствовала, как внутри что-то неприятно дёрнулось. И сразу вспомнила взгляд принца. Спокойный. Внимательный и почему-то слишком тяжёлый для человека его возраста.

— Основная задача фиолетовых Кельвейров — сопровождение, помощь и служение при дворце. Вы будете представлять Дом Кельвейров перед самой короной.

Я медленно посмотрела на ленту в своих руках. Она оказалась длинной, узкой и удивительно красивой — не ярко-фиолетовой, а глубокого сливового оттенка, уходящего почти в тёмный аметист. Ткань мягко переливалась в свете свечей, словно в неё вплели тонкие серебряные нити. По краям шла аккуратная вышивка маленькими узорами лилий, а на конце висела крошечная металлическая подвеска с гербом королевства — золотым львом, прижимающим лапой змею.

Лента была тоньше остальных, и почему-то выглядела дороже. Я осторожно провела пальцами по гладкому атласу, чувствуя, как ткань холодит кожу.

Рядом Лида уже пыталась намотать свою ленту на шею, словно это был шарф.

— Лида, так нельзя, — тихо прошептала я.

— Почему?

— Ну... потому что это, наверное, что-то важное.

Она задумчиво посмотрела на фиолетовую ткань.

— Тогда странно, что её дали нам.

Афина недовольно фыркнула и покрутила в пальцах свою красную ленту.

— А поменяться можно?

Финни медленно перевёл на неё взгляд.

И впервые за всё время в его лице мелькнуло что-то похожее на презрение.

— Ни в коем случае.

Рыжая приподняла бровь, но промолчала. Финни тем временем обвёл взглядом весь зал.

— И послушайте меня внимательно. Если кто-то из вас решил, будто фиолетовые ленты делают своих обладательниц особенными, то вы очень сильно ошибаетесь.

Я невольно сжала ткань в руках.

— Каждая из ваших лент означает только одно: рано или поздно вы будете работать с короной. Каждую из вас вызовут ко двору. Никого не оставят в стороне.

И его голос вдруг стал намного серьёзнее.

— Поэтому между вами не должно быть вражды. Белые поддерживают порядок Дома Кельвейров. Синие помогают короне знаниями. Красные представляют дом перед дворянами и гостями. Зелёные отвечают за здоровье и помощь другим. А фиолетовые сопровождают королевскую семью.

Он сделал небольшую паузу.

— Но по отдельности вы бесполезны.

И почему-то именно после этих слов я впервые заметила, как девушки начали смотреть друг на друга немного иначе. Не как на соперниц. А как на людей, с которыми теперь придётся жить.

После распределения нас повели дальше — в огромный гардероб, от которого у девушек почти одновременно вырвался восхищённый вздох.

Вдоль стен тянулись высокие шкафы из светлого дерева, а внутри аккуратными рядами висела форма всех цветов: белая, синяя, зелёная, красная и фиолетовая. Ткани мягко переливались в свете свечей, золотые пуговицы блестели, а от новых вещей пахло лавандой и свежими нитями.

Белым достались строгие светлые платья с серебристой вышивкой. Красным — более яркие костюмы с тёмными корсетами и клетчатыми юбками. А фиолетовая форма выглядела особенно дорого: тёмный жилет с серебряными застёжками, мягкая рубашка с пышными рукавами и юбка глубокого сливового оттенка в тон ленте.

Когда я начала переодеваться, восторг постепенно сменился неловкостью. Форма оказалась мне немного мала. Жилет неприятно тянул в груди и талии, а юбка сидела совсем не так красиво, как на остальных девушках. Я неловко поправляла ткань, пытаясь хоть как-то привести всё в порядок, но чем больше старалась, тем сильнее казалось, будто выгляжу нелепо.

Особенно рядом с другими.

Некоторые девушки уже крутились перед зеркалами, поправляя волосы и довольно рассматривая себя. И их стройные фигуры, длинные ноги и аккуратные силуэты действительно идеально сочетались с формой, я же чувствовала себя слишком большой. Слишком неуклюжей.

Лида подошла ко мне первой, а следом за ней — француженка, которую, как я наконец запомнила, звали Элиза Мари де Бовуар. Светлые локоны мягко спадали ей на плечи, а зелёные глаза с интересом рассматривали мою форму.

Я неловко поправила жилет.

— По-моему, он ужасно сидит...

Но Лида уже возмущённо всплеснула руками и повернулась к Элизе.

— Elle est magnifique! — громко заявила она на французском.

Элиза удивлённо подняла брови, а затем улыбнулась.

— Oui, très jolie.

Я растерянно моргнула.

— Это сейчас было что-то хорошее или вы вдвоём решили красиво меня оскорбить?

Лида театрально закатила глаза.

— Я сказала, что ты выглядишь обалденно.

— А она?

— Подтвердила моё мнение.

Элиза мягко кивнула, а затем осторожно поправила складку на моей юбке.

Я нахмурилась и посмотрела сначала на Лиду, потом на спокойно стоящую рядом Элизу.

— Почему тебя не определили в языковой класс?

Лида пожалала плечами так легко, будто вопрос её совсем не волновал.

— Значит, у девочек призвание получше моего.

— Но это неправильно!

Она тихо фыркнула.

— Да брось.

Но я уже начала раздражаться.

— Я серьёзно! Никто даже не подошёл к Элизе, потому что не понимает её, а ты спокойно разговариваешь с ней так, будто всю жизнь во Франции жила!

Лида на секунду замолчала.

А потом вдруг хитро улыбнулась.

— Вообще-то я жила в трёх странах.

Я медленно моргнула:

— Что?

— Ну, не подряд, конечно.

Элиза тихо засмеялась, явно понимая разговор хотя бы частично, Лида тем временем совершенно спокойно поправила свою фиолетовую ленту.

— Альтее, иногда люди умеют вещи, которые не видно сразу.

После этих слов мне вдруг стало немного стыдно за то, что я сама только что мысленно решила, будто знаю о ней всё.

В этот момент дверь резко распахнулась со стуком, и в комнату осторожно заглянул Финни. Причём выглядел он так, будто морально готовился вернуться от летящего в него ботинка, корсета или чего-нибудь ещё пострашнее.

Сначала он опасливо осмотрел комнату, потом нас:

— Отлично. Никто никого не убил.

Лида тут же подняла руку:

— Пока что.

— Спасибо, Лида, ты невероятно успокаиваешь.

Несколько девушек тихо засмеялись. Финни окончательно вошёл внутрь и поправил чёрные перчатки.

— Итак, дамы, пора выбирать комнаты. А распределение начнём по цветам лент и по убыванию порядка.

По комнате сразу прошёл взволнованный шёпот.

— Первыми идут белые ленты.

Девушки в светлой форме тут же оживились и поспешили к выходу.

— Затем синие, зелёные, красные и последними — фиолетовые.

Лида сразу недовольно фыркнула:

— Что за дискриминация фиолетовых?

— Потому что ваши комнаты находятся ближе всего к дворцовому крылу, — спокойно ответил Финни. — А значит, они считаются самыми ценными. Не в плане особенными, а потому как эти комнаты обычно лакомый кусочек для всяких разбойников или утренних звуков стражников и тренировок. Тишина. И сразу несколько девушек с завистью посмотрели в нашу сторону.

Для меня лишние звуки по утрам давно стали чем-то обыденным. Особенно если где-то шумели слуги, таскали вещи или тренировалась стража. В нашем поместье с самого детства никогда не бывало по-настоящему тихо: то кто-нибудь ругался на кухне, то конюхи гоняли лошадей во дворе, то папенька среди ночи начинал требовать вина так громко, будто хотел разбудить всё королевство.

Глава 9.

Когда остальные девушки наконец получили комнаты и разбрались по этажам, обладательниц фиолетовых лент попросили остаться. Всего нас оказалось трое: я, Лида и ещё одна девушка постарше меня, с длинными тёмными волосами и спокойным взглядом. За весь день она ни с кем не разговаривала, только изучала территорию. Тихая, спокойная, излучающая уверенность, не показывая её действиями.

Финни молча повёл нас в другой конец этажа, чем дальше мы шли, тем тише становилось вокруг. Постепенно исчезли голоса девушек, смех Афины и стук чемоданов. Остались только наши шаги, приглушённо звучащие по деревянному полу. Коридор, в который нас привели, заметно отличался от остальных.

Стены здесь были отделаны тёмным ореховым деревом, отполированным до блеска. Между высокими окнами висели старинные портреты членов королевской семьи, а вместо обычных подсвечников стояли серебряные канделябры. Даже ковёр под ногами был другим — более плотным, тёмно-фиолетовым, с вышитыми золотыми лилиями.

И почему-то всё это заставляло держать спину ровнее. Никто не переговаривался и не задавал вопросов, словно каждая из нас чувствовала: этот коридор предназначен не для обычных Кельвейров.

В конце пути нас встретила высокая двустворчатая дверь. На тёмном дереве был вырезан герб королевства — лев, побеждающий змею. Финни остановился и впервые за всё время стал серьёзнее обычного.

— С этого момента вы будете жить в особом крыле Дома Кельвейров. Девушки, не считите за грубость, но в отличие от остальных, вы будете находиться втроём в одной большой комнате, разграниченной на три отдельных отсека.

Лида тут же подняла руку.

— Я храплю.

— Спасибо за информацию, - Финни просто махнул рукой.

— Всегда пожалуйста, - Лида, не стесняясь своих слов, решила первой ступить на порог комнаты.

Парень тем временем тяжело вздохнул и продолжил:

— Однако это не совсем общая комната. Пространство разделено на три отдельных жилых отсека. У каждой будет собственная кровать, письменный стол, шкаф и место для личных вещей. Общими останутся только гостиная и каминный зал. Ваши занятия будут отли-

чаться от остальных, расписание будет отличаться. Иногда вас могут вызывать отдельно от других девушек. Поэтому королева распорядилась разместить вас рядом.

Высокие окна были закрыты тяжёлыми сливовыми шторами, в центре располагалась общая гостиная с диванами и камином из белого камня, а по трём сторонам расходились арочные проходы, ведущие в личные комнаты каждой из нас. В камине потрескивал огонь. На столике уже стояли свежие цветы.

Девушка, молчавшая всю дорогу, впервые подала голос, который оказался приятным — спокойным и низким, немного шуршащим на звуках "ш-ж-щ".

— То есть у всех отдельные комнаты, а у нас... общее помещение?

Лида тут же подняла палец.

— Называй вещи своими именами. Общак.

Я едва сдержала улыбку. Финни же посмотрел на неё таким взглядом, будто мысленно уже составлял список причин уйти в монастырь.

— Потому что вас Её Величество попросила не баловать.

Теперь удивились уже все трое.

— Не знаю, почему именно, — продолжил он. — по словам королевы, это связано с вашими будущими обязанностями.

И он ненадолго замолчал, потёр подбородок, в знак того, стоит ли говорить дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.